

Ольга АНИКИНА

ВОЛОКОНЦЕ

не показывай мне лица
как беглец во время охоты на беглеца

лети как звук, но не облакайся в звук,
оставь нас обоих молчать как молчит паук

оставь сокрытым летучий взгляд
как в чёрном облаке белый град

горло и плечи спину и бёдра спрячь
оставь
только кончики пальцев и острый носок туфли
пускай я буду глух и незряч

пускай я буду свободен и твои полюбив слова
я буду их повторять
я буду их понимать едва

сколько стёкол пройду я насквозь,
чтобы в воздухе вдруг оказаться
сколько крохотных волоконце
выдерну из тайно из пряжи
сколько раз украду из кудели

кто красть не умеет средь белого дня
и прятать
и прятать прозрачную нитку –
на пальце, за пазуху или в карман,
а потом делать вид, что не брал,
не вплетал в полотно
не носил на запястье

Ольга Аникина родилась в Новосибирске, окончила Новосибирский медицинский институт и Литературный институт им. Горького. Публикации в журналах «Сибирские огни», «Новый Мир», «Знамя», «Октябрь», «Новая Юность», «Дети Ра» и др. В «Волге» публиковались стихи, рассказы, роман «Белая обезьяна, черный экран» (2018, № 5-6).

не накладывал шов –
простой, п-образный, кишечный,
по холстеду, по пирогову –
даже тот, кто всё это умеет –
когда-нибудь да попадётся.

нитка-ниточка, волоконце
волосок, ресница, шерстинка
ничего ты не вешишь, ничего ты не стоишь
на меня ты страшно похожа
не затем ли опять
и опять прохожу сквозь оконные стёкла
чтобы в воздухе
тайно
поскорее поймали меня

он градусник разбил
и спрятал под подушкой
зрачок дрожащей ртути

как в зеркало, в луну
глядят, глядят лягушки
ночами на запруде

в прозрачном лунном рту
под языком лежит
жемчужина икринка

и прямо в темноту
бежит по животу
как вор с большого рынка

о чём они кричат
куда уводит след
из общей спальни

что в каждой тайне яд
что в каждой тайне нет
что в каждой тайне

Конь

смогу ли сегодня
прорваться сквозь мутный поток
холодного дня
прочитать его тёмные письма

в городе, где осень с весной
родные братья зимы
а короткое лето
проносится мимо быстрей скакуна

в морозном воздухе
эхо стука копыт
стирает залиvistый ветер
остаётся лишь память о нём

летащем мимо
со взмыленными боками
с глазами как угли
и гривой, горящей огнём

чтоб увидеть его
я всегда закрываю глаза
чтоб пробиться сквозь холод
я просто иду за конём

Огоньки

Летают ночью огоньки
над голубой травой.
Их золотистые зрачки
висят вниз головой.

И в перевёрнутом огне
мелькает тишина,
как в перевёрнутом окне
рука или спина.

И в самом центре огонька –
горящего мяча –
щеки касается щека
или плечо плеча,

и перевёрнуто глядит
неспящий адресат,
как память медленно летит
и озаряет сад,

как память
вдруг –
о чём, о ком?
становится живой,
и тут же гаснет светляком
над голубой травой.

Живот земли раскрыт, столпились люди возле,
застыли и глядят, не смыслят ни черта.
Молчат, как прежде не молчали никогда,
и мёрзнут так, как никогда не мёрзли.

Дрожат и думают о холоде земли,
о том, как на ветру легко сосновым крыльям,
о том, куда плывут, покачивая киями,
опущенные в землю корабли.

И чернота внутри вздымается, гудит.
Грудной мешок трещит, выдерживает еле,
и тьма кипит в отдельно взятом теле,
и всё сожрав дотла,
никак не победит.

рама дышит, рама дышит
пара лёгких – переплёт
воздух движется-не движет-
ся,
и песенку поёт

это ветер прикатился
словно слово с чьих-то губ
это с облака спустился
невидимка хулахуп

хлоп да хлоп колышет стёкла
близко, близко холода
то ли вёсла то ли сёдла
скрип да скрип туда сюда

бьётся сердце старой рамы
в раме сломан шпингалет
ветер к дому влез в карманы
ничего в карманах нет

только в сумраке лиловом
чья-то тень идёт к окну
и молчит и ни полсловом
не встревожит тишину